
РАКУРСЫ: ЛОГИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТОПОЛИТИЧЕСКОГО И РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Л.Е. Филиппова*

«ПОЛИТИЗАЦИЯ» VS «ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ»: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования концептов «политизация» и «деполитизация» для теоретического анализа процессов конституирования и структурирования политического поля. Различные интерпретации политизации и деполитизации обусловлены разным пониманием сущности политики / политического. Используя идеал-типическую модель политического поля, автор включает в определение политического конфликтность, наличие выбора, целеполагание и универсализм норм. Тогда политизация означает возникновение возможностей артикуляции социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания, а деполитизация – отрицание конфликтности, упразднение возможности выбора и разрушение правил политического взаимодействия. Политизация, как процесс формирования политического сообщества из протополитического, определяет горизонтальное структурирование политического поля. При этом формулируются альтернативные стратегические проекты, содержащие основные принципы устройства общества, цели и направления его развития. Проекты актуализируют

* **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Philippova Liudmila, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

политическое, их конкуренция является механизмом (вос)производства политического поля. Обнаружение и анализ таких проектов необходимы для оценки перспектив конституирования политического поля.

Ключевые слова: политика; политическое поле; политическое сообщество; политизация; деполитизация; стратегия.

L.E. Philippova
«Politicization» vs «depoliticization»:
The search for alternative strategic projects
and possibilities of political field structuring

Abstract. The article examines the possibility of using «politicization» and «depoliticization» concepts in a theoretical analysis of processes of constituting and structuring of a political field. Different interpretations of politicization and depoliticization are conditioned by different understandings of the essence of politics / the political. The author, using an ideal-typical model of a political field, includes conflict, availability of choice, goal-setting and universality of norms into a definition of political. Thus, politicization denotes emergence of opportunities for articulation of social contradictions and realization of political subjectness in an area of choice and goal-setting, while depoliticization denotes denial of conflict, eradication of choice, and destruction of rules of political interaction. As a process of a political community's formation out of a protopolitical, politicization determines horizontal structuring of a political field. In this process alternative strategic projects are being formulated, which contain the basic principles of society's organization, goals and directions of its development. These projects ensure the actualization of the political, and their competition serves as a mechanism for (re)production of a political field. It is necessary to discover and analyze such projects to assess the prospects for constituting of a political field.

Keywords: politics; political field; political community; politicization; depoliticization; strategy.

Протополитическое сообщество и политическое поле

Понятие политического поля как особого типа социального пространства является методологическим инструментом, позволяющим объяснить то, как возникает и осуществляется политика современного типа. Политическое поле, понимаемое как институционализированное публичное пространство диалога и конфликта по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества, является основой для разворачивания политических практик, условием существования политики. При этом политическое поле –

как и сама политика – не является предзаданным и / или статичным: оно возникает, развивается, трансформируется и деформируется, может разрушаться и исчезать. Анализ процессов конституирования и структурирования политического поля является актуальной исследовательской задачей. Один из возможных подходов к теоретическому осмыслению некоторых аспектов этих процессов предлагается в настоящей статье.

Мы полагаем, что институционализации политического поля предшествует формирование политического (более точным является термин «протополитическое») сообщества – совокупности индивидуальных и коллективных акторов, готовых реализовывать свою политическую субъектность, продуцируя правила политической «игры» и действуя в соответствии с ними. В структуре протополитического сообщества можно выделить два измерения: горизонтальное, возникающее вследствие идентификации акторов с определенными нормативно-ценностными комплексами (например, архаичное vs современное; утопическое vs прагматическое и т.п.), и вертикальное, образуемое неравными возможностями акторов. На уровне политического поля структурирование относительно нормативно-ценностных комплексов трансформируется в структуру политических идентичностей (которая может оформляться, например, в партийную систему). Вертикальное структурирование политического поля определяется результатами политической борьбы в рамках наличных институтов (например, победа или проигрыш на выборах), или трансформации этих институтов (создание или упразднение каких-либо организационных структур, должностей).

Можно предположить, что горизонтальная структура политического поля должна быть гомологичной горизонтальной структуре протополитического сообщества. Из сходной посылки исходили С. Роккан и С. Липсет в своей теории политических размежеваний [см.: Липсет, Роккан, 2004]. Термином «размежевания» обозначается специфический тип конфликта, глубокие и длительные противоречия между социальными группами, корни которых обнаруживаются в трансформации социальной структуры вследствие таких макропроцессов, как индустриализация, становление национальных государств, демократизация. Размежевания, образующие структуру сообщества, находят свое отражение в структуре политической системы, возникающей на основе данного сообщества, прежде всего в

партийной системе. Их анализ позволяет объяснить, как связаны социальные группы и политическая организация, каким образом исторические процессы на макроуровне регулируют индивидуальный политический выбор и, таким образом, определяют характер функционирования политической системы.

Не столь очевидным является то, каким образом вертикальная структура протополитического сообщества находит свое отражение в структуре политического поля. Основное значение, по-видимому, здесь имеет формирующийся институциональный контекст, т.е. выстраивание институтов, позволяющих «фиксировать» вертикальное структурирование (или наоборот, препятствующих такому структурированию). В контексте данной статьи большее значение имеет анализ процессов горизонтального структурирования политического поля, при этом необходимо отметить, что структурирование политического поля по вертикали заслуживает дальнейшего специального исследования.

Становление политических идентичностей, рост политической активности и увеличение разнообразия ее форм и способов, артикуляция и институционализация конфликтов, универсализация норм и правил взаимодействия внутри политического сообщества – все эти процессы могут рассматриваться в качестве признаков формирования политического поля. Мы полагаем, что для анализа этих процессов может быть использован концепт политизации.

Политизация и деполитизация

В наиболее общем плане политизацию можно определить как процесс приобретения теми или иными субъектами, явлениями и процессами политических качеств. Очевидно, что это определение останется «пустым», если не обозначить критерии, в соответствии с которыми мы относим те или иные явления к политическим. Более подробно содержание понятия «политизация» и его связь с сущностью политического будут рассмотрены ниже; предварительно отметим, что для нас исходной точкой является идеал-типическая модель политического поля¹, а определяющими «поли-

¹ Подробнее об этом см. статью С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой в настоящем номере.

тическими качествами» – конфликтность, универсализм норм, наличие выбора и целеполагание.

Политизация – процесс, осуществление которого непосредственно связано с формированием и структурированием протополитического сообщества. На этом уровне он имеет два измерения: во-первых, это политизация акторов, которая может рассматриваться как составляющая формирования политической субъектности, во-вторых, это политизация повестки дня – формулирование альтернативных представлений об общем благе и выработка на их основе стратегий политического и социального развития. На следующем уровне – уровне конституирования политического поля – политизацию можно представить как процесс формулирования правил и возникновения структур, обеспечивающих возможности реализации субъектности акторов, осуществления ими выбора из набора альтернативных стратегических проектов. Таким образом, политизация, формируя структуру на уровне протополитического сообщества, в зависимости от институционального контекста находит (или, наоборот, не находит) отражение в структуре политического поля.

В обыденном языке слово «политика» зачастую имеет негативную окраску – расхожий штамп «политика – грязное дело» постоянно воспроизводится к месту и не к месту. Как следствие, термин «политизация» также нередко используется для описания негативных процессов. «Политизировать» какое-либо явление означает придать этому явлению политический характер путем искажения его сущности; представить его с определенной точки зрения, отражающей не истинное положение вещей, а чьи-то специфические интересы; использовать его для достижения своих целей в политической борьбе. В таком ключе рассуждают о «политизации» искусства, спорта, школьных учебников, телевизионных программ и пр.

Такое предвзятое отношение к термину «политизация» в некоторой степени распространилось и в политической науке. Можно отметить определенный недостаток исследований, в которых политизация рассматривалась бы в связи с конструированием политических идентичностей и формированием политического пространства. Более широкое употребление и глубокое развитие получил в политической науке концепт деполитизации. Далее оба этих концепта будут рассматриваться как взаимосвязанные, при

этом частично реконструировать понимание политизации мы будем через анализ концепта деполитизации.

Первая волна исследовательского интереса к процессам деполитизации и, соответственно, первые попытки их концептуализации пришлись на 1960-е годы. Они находились в русле осмысления стабилизации западноевропейских политических систем в послевоенный период и в определенном смысле продолжали логику рассуждений Д. Белла о «конце идеологий», а также С. Липсета и С. Роккана о «замораживании» партийных систем. Характерной для этого периода была фиксация снижения роли традиционных политических идеологий в мотивации политического поведения и, фактически, отождествление этого процесса с деполитизацией. Ярким примером служит статья шведского исследователя У. Химмельстранда «Теоретический и эмпирический подход к деполитизации и политической вовлеченности» [Himmelstrand, 1962], оказавшая существенное влияние на последующие исследования деполитизации. В ней деполитизация в самом общем плане определяется как снижение роли идеологии или как «трансформация политических *идеологий* в набор более или менее четких административных *технологий*, основанных на широком консенсусе по поводу того, каких целей следует достигать» [ibid., p. 83; курсив в оригинале].

При более детальном анализе автор обнаруживает, что термином «деполитизация» могут быть обозначены как минимум три разных процесса: во-первых, формирование идеологического консенсуса; во-вторых, ослабление воздействия идеологии на практическую политику («разрыв» между идеологическим содержанием высказываний политиков и принимаемыми ими конкретными политическими решениями, а также «вытеснение» идеологических символов из области практической политики в область ритуала – выборов и политических торжеств); в-третьих, снижение «видимости» явных идеологических утверждений (т.е. менее активное употребление в политических дебатах открытых отсылок к ценностям и символам идеологий и стремление вместо этого оперировать фактами, техническими или экономическими аргументами) [ibid., p. 87].

Примечательно, что при концептуализации деполитизации как деидеологизации уровень политической активности не рассматривался как показатель деполитизации, а, наоборот, последняя

представала в качестве фактора, влияющего на политическую активность. Так, Химмельstrand указывает на отсутствие прямой зависимости между степенью «видимости» идеологий в данном политическом сообществе и уровнями политического участия и вовлеченности его членов [ibid., p. 108]. Еще одна особенность исследований данного периода, которую необходимо отметить, – отсутствие интереса к тому, как, собственно, происходит политизация. То есть изначальная «политичность» политики не ставится под сомнение.

С конца 1970-х годов был накоплен значительный массив литературы, посвященной анализу снижения уровня политической активности (прежде всего, электорального участия и членства в политических партиях) в западных демократиях [Dalton, 2004]. Однако концепт деполитизации практически не использовался для анализа этих процессов. «Возвращение» концепта в активное использование началось в середине 2000-х годов, когда беспрецедентный рост общественного недоверия к демократическим политическим процессам, политическим институтам и политикам, усугубленный впоследствии экономическим кризисом, а также возникновение новых неконвенциональных форм политической активности стимулировали развитие новых объяснительных моделей в политической науке. «Деполитизация» оказалась в ряду таких активно разрабатываемых (и столь же активно критикуемых) понятий, как «постдемократия», «контрдемократия», «конец политики», «постполитика», «антиполитика» и пр.

Необходимо отметить, что новая волна исследований деполитизации существенно отличается от работ предшествующих периодов – не только концептуально, но и идеологически. Прежде всего, деполитизация не сводится только к деидеологизации, а рассматривается как совокупность процессов, затрагивающих функционирование практически всех институтов представительной демократии, меняющих принципы государственного управления и трансформирующих политическую активность. Помимо этого, новые трактовки процессов деполитизации актуализировали потребность в осмыслении обратного процесса, т.е. политизации или реполитизации, а следовательно, и того, что представляет собой политика и политическое.

В оценке идеологических аспектов деполитизации можно обнаружить наиболее существенное отличие от трактовок, харак-

терных для середины – конца XX в. Для теоретиков «конца идеологий» от Д. Белла до Ф. Фукуямы «конец идеологий» означал, по сути, конец *борьбы* идеологий и окончательное утверждение одной идеологии в качестве единственно возможной, что естественным образом сводило политику к техническим, процедурным вопросам. Для современных исследователей деполитизации доминировавшая на протяжении последних десятилетий неолиберальная идеология становится центральным объектом критики: собственно, в ней и обнаруживаются истоки деполитизации. «Гегемония неолиберализма» делает невозможным оспаривание его базовых постулатов, и деидеологизация политики не только становится неизбежной, но и провозглашается «нормальным» состоянием политики.

Деполитизация как процесс и как дискурс рассматривается, таким образом, как политическая стратегия, которая является частью более широкого проекта неолиберализма, центральной для которого является фетишизация «аполитичного» рыночного пространства. В деполитизированном рыночном пространстве все социальные связи выстраиваются в соответствии с логикой рыночных отношений, соответственно, «экономизируются» и политические отношения, субъекту которых – уже не столько гражданину, сколько *Homo oeconomicus* – присуща культура консьюмеризма. Неолиберальная идеология переформулирует основы политической жизни Модерна – прежде всего, представительного правления и самой сущности политического представительства; происходит, по сути, вытеснение политического экономическим [Brown, 2015].

В обобщенном виде, под деполитизацией понимается ряд взаимосвязанных процессов: во-первых, исчезновение политического выбора, во-вторых, «технократизация» политики (делегирование принятия решений от выборных органов «экспертам» разного рода) и, в-третьих, снижение политической вовлеченности граждан и рост негативного отношения ко всему «политическому». Однако то, какие именно аспекты деполитизации оказываются в фокусе тех или иных исследований, зависит от того, как их авторы определяют политику.

Понимание политики, деполитизация и политизация / реполитизация

Можно выделить три подхода к пониманию политики, определяющие дальнейшие трактовки деполитизации и, что не менее важно, политизации / реполитизации [Beveridge, 2017, p. 590]. В рамках первого политика рассматривается как процесс функционирования институтов управления, т.е. политика как *politics* сводится к процессу формулирования и реализации политических программ (*policy*), в центре внимания оказываются государственные акторы / институты, легитимность и эффективность принимаемых ими решений. Деполитизация возникает как следствие, с одной стороны, усложнения задач, стоящих перед государственными органами, особенно в сложных экономических условиях, а с другой стороны, стремления элит укрепить свое положение. Деполитизация – это создание такой институциональной структуры, в которой исчезает политический характер принятия решений: подготовка и реализация решений передаются либо от избираемых политиков к назначаемым должностным лицам, либо от государственных к квазипубличным органам – различного рода комиссиям, экспертным советам и пр. Деполитизация может быть высокоэффективной стратегией правительства, пытающегося снять с себя ответственность за противоречивые решения и представить эти решения «неполитическими», манипулируя общественным дискурсом по поводу того, что является, а что не является «политическим», если ответственность за принятие решений перекладывается на юристов, экономистов, ученых и прочих «экспертов», то эти решения представляются менее «политическими» [см.: Wood, 2016; 2017].

Ряд авторов рассматривают «технократическую» деполитизацию как следствие «гипердемократизации» – постоянного увеличения политического давления на выборных лиц, смещения общественного внимания от эффективности управления в сторону открытости и ответственности властей. Трансформация политической субъектности в духе неоллиберализма – от «народа» (общества) к автономному индивиду, действующему самостоятельно или в рамках групп давления, связанных узкими эгоистическими интересами, – и приоритет индивидуальных прав над коллективной ответственностью также приводят к повышению требований к

властям. Неспособность властей удовлетворить эти многочисленные, противоречивые, зачастую нереалистичные требования вызывает как рост недоверия к отдельным политиками и политическим институтам, так и негативное отношение к политике вообще. Стратегия деполитизации в такой ситуации воспринимается в позитивном ключе – как способ «оградить» процесс управления от воздействия частных интересов политиков и избирателей (эгоистичных и недалековидных), передав полномочия «рациональным», «политически нейтральным» экспертным органам [Pettit, 2004]. Однако на деле эти органы оказываются не нейтральными, а также находятся под влиянием частных или узкокорпоративных интересов, помимо этого, создание формальных «независимых» институтов не отменяет наличия неформальных практик. Как справедливо отмечают критики такого подхода, идея деполитизации как способа повышения эффективности управления основана на двух ложных предположениях: во-первых, что решения, касающиеся жизни общества, можно представить как «неполитические», во-вторых, что передача полномочий «профессионалам» может устранить общественную дискуссию и снять давление с политиков [Flinders, Wood, 2013]. Также важно, что «технократическая» деполитизация снимает с политиков не только полномочия, но и ответственность, что ведет к снижению политической активности граждан (прежде всего, электорального участия – зачем голосовать, если политики ни за что не отвечают?) и к усилению их отчуждения от политики.

Политизация, с точки зрения данного подхода, представляет собой «возвращение» политического характера принимаемым государственными органами решениям, другими словами, передачу принятия решений в руки политиков, т.е. выборных должностных лиц, подотчетных избирателям, а также укрепление институтов демократического контроля за реализацией этих решений. Последнее, очевидно, требует повышения политической активности и вовлеченности граждан. Здесь возникает, однако, проблема определения того, решения какого уровня и в каких сферах следует рассматривать как политические. Можно предположить, что «избыточная» политизация мелких, технических решений не только снижает эффективность управления, особенно в ситуациях, требующих оперативных действий, но и становится способом манипулирования повесткой дня и блокирования обсуждения более

существенных вопросов – базовых принципов функционирования политической системы, ее конституирующих оснований, решений стратегического характера. Центральной составляющей политизации, следовательно, становится необходимость разграничения тех сфер, регулирование которых требует политических решений, и тех, решения в которых носят по преимуществу технический характер и могут быть переданы в руки «профессионалов». Именно на этом уровне можно говорить о возникновении политики, поскольку «не существует априорных способов провести такое различие и собственно его проведение и есть такое важное решение, которое хорошо подходит для демократической полемики» [Crouch, 2016].

Очевидно, что трактовка деполитизации исключительно как смещения фокуса в процессе принятия решений с политиков на «неполитические» регулирующие органы является недостаточной. Так, М. Вуд и М. Флиндерс отмечают, что не менее, а, возможно, и более существенное значение, чем «управленческий» аспект деполитизации, играют другие процессы: во-первых, «социетальная деполитизация» – «выведение» тех или иных вопросов с повестки дня публичной делиберации, осуществляемое СМИ, партикуляристскими группами интересов, корпорациями; во-вторых, «дискурсивная деполитизация» – «речевые акты» как в публичной, так и в частной сфере, благодаря которым определенные вопросы «нормализуются», т.е. утрачивают политический характер [Wood, Flinders, 2015, p. 22].

Более широкую трактовку политизации и деполитизации предлагает и К. Ландвер: «Проблема или вопрос являются политизированными, когда они рассматриваются в качестве предмета коллективного выбора – т.е. политического решения. Политическое решение: а) принимается законодателем или правительством, которые с нормативной точки зрения должны быть демократически легитимными; б) является *вероятностным выбором между альтернативными вариантами действия* (курсив наш. – Л. Ф.); в) является коллективно обязывающим для определенного сообщества. Деполитизация, таким образом, имеет место тогда, когда отсутствует или отрицается любое из этих трех качеств решений» [Landwehr, 2017, p. 51]. Если нарушается условие «а», то мы наблюдаем случай описанной выше «технократической», или «управленческой», деполитизации. Однако для нас больший инте-

рес представляют случаи нарушения других условий политизации – отрицание наличия альтернативы принимаемым решениям, или отрицание способности тех или иных акторов сделать выбор из имеющихся альтернатив (т.е., по сути, отрицание их политической субъектности).

Такие трактовки политизации / деполитизации следуют из принципиально отличного определения сущности политики, делающего акцент на выборе и вариативности. Один из наиболее ярких примеров исследования деполитизации в рамках такого подхода представлен британским исследователем К. Хеем в работе с характерным названием «Почему мы ненавидим политику» [Нау, 2007]. Если использовать терминологию М. Вуда и М. Флиндерса, то в концепции К. Хейя центральными оказываются «социетальный» и «дискурсивный» аспекты деполитизации. Само слово «политика» становится «ругательным»: «приписать “политические” мотивы поведению актора значит поставить под вопрос его / ее честность, прямоту или способность достичь результата, соответствующего чему-то еще помимо его / ее личного материального интереса» [Нау, 2007, р. 1]. При этом политика как явление, возникающее как ответ на потребность сложных дифференцированных сообществ в коллективном и обязывающем принятии решений «связана, почти по определению, с конструированием и, в идеале, реализацией смысла *коллективного блага* (курсив наш. – Л. Ф.). Следовательно, то, что в настоящее время политика ассоциируется с преследованием политиками личных материальных интересов, странным образом противоречит самому *raison d'être* политики» [ibid., р. 2].

К. Хей определяет политику как «способность к действию (*agency*) и делиберации в ситуациях истинного коллективного и общественного выбора» [цит. по: Beveridge, 2017, р. 592]. Политизация и деполитизация – процессы, идущие в противоположных направлениях, сущность каждого из которых заключается в «перемещении» тех или иных вопросов / проблем (*issues*) между различными аренами дискурса и действия. К. Хей выделяет по три типа политизации и деполитизации. Политизация представляет собой процесс расширения возможностей делиберации и влияния людей на вопросы, касающиеся определенных аспектов их социального существования. Политизация первого (самого простого) типа – это перевод проблемы из «области неизбежного» (т.е.

принципиально неподвластного человеческому контролю) в «частную сферу», где эта проблема осознается как общественная, хотя пока и на индивидуальном уровне (например, оспаривание религиозных табу, прежде считавшихся священными). Политизация второго типа – переход из «частной» в «публичную» сферу, т.е. попадание в фокус организованной публичной делиберации, признание того или иного вопроса значимым для коллективного, а не индивидуального, или частного благополучия (в качестве примеров такого типа политизации можно привести феминистские, энвайроменталистские, антиглобалистские акции «повышения сознательности»). Политизация третьего типа – переход из «публичной» в «государственную» (*governmental*) сферу, когда вопрос становится предметом дебатов в законодательных органах, нового правового регулирования, ответственности правительственных департаментов и пр.

Деполитизация, соответственно, заключается в снижении возможности граждан обсуждать общественно значимые вопросы и осуществлять по их поводу политический выбор. Деполитизация первого типа («делегирование») – процесс, связанный с «технократизацией» политики, т.е. передачей функций от избираемых политиков различным «околополитическим» органам. При этом вопрос, решение которого делегируется, не становится менее политическим в смысле его значимости для общества, но утрачивает свой политический характер на уровне дискурса, следовательно, вытесняется на менее политизированную арену. Деполитизация второго типа («приватизация») – переход проблемы из публичной в частную сферу, в которой она представляется в качестве вопроса не общественного, а частного (потребительского) выбора (это происходит, когда ответственность за, например, проблемы окружающей среды или безработицы возлагается не на политиков, бизнес или общество в целом, а на отдельных индивидов). Деполитизация третьего типа («отрицание») – окончательное вытеснение проблемы в «область неизбежного», отрицание любого наличия выбора (пример такого типа деполитизации представляет собой нелиберальная «фетишизация» рынка – навязывание обществу фаталистического представления о том, что какие-то вопросы в принципе не требуют обсуждения и осуществления выбора, а могут быть урегулированы «сами собой» благодаря воздействию магической «невидимой руки»).

Политическое и политика

Для целей нашего анализа особый интерес представляет третий подход к пониманию политики, в фокусе которого находится противоречие между институциональными структурами, призванными обеспечивать порядок и консенсус, и конфликтной природой политических отношений. В современной политической науке этот подход наиболее последовательно отстаивает Ш. Муфф, а истоки его лежат в политической философии К. Шмитта. Последний отрицал отождествление политики с государством, а также попытки отделить политику от других сфер (религии, культуры, экономики), и рассматривал «политическое», сущность которого заключается в различении «друзей» и «врагов» и конфликте между ними, как универсальный тип отношений, потенциально пронизывающий все социальные сферы. Таким образом, любые вопросы, касающиеся общественной жизни, могут быть политизированы постольку, поскольку по их поводу может возникнуть конфликт «друзей» и «врагов». В сущности, критика К. Шмиттом современной ему либеральной демократии может рассматриваться как предтеча современных концепций деполитизации, так как он видел проблему именно в попытках либерального государства погасить имманентный социальным отношениям конфликт, замаскировать наличие противоречий и борьбы с помощью процедур и правил, нацеленных на поиск компромисса, т.е. деполитизировать политику.

Следуя за К. Шмиттом, Ш. Муфф исходит из принципиальной неустранимости «политического» из жизни социума: «В области коллективных идентификаций, где стоит вопрос о создании “мы” путем отграничения “они”, всегда есть возможность того, что отношение “мы – они” превратится в отношение “друг – враг”»; другими словами, оно всегда может стать политическим в шмиттовском понимании этого термина. <...> Как следствие, политическое не может быть сведено к определенному типу институций или представлено как специфическая сфера или уровень общества. Оно должно пониматься как измерение, присущее любому человеческому обществу и определяющее сам наш онтологический статус» [Mouffe, 1993, p. 2–3].

Принципиальным для концепции Ш. Муфф является разведение понятий «политическое» (*political*) и «политика» (*politics*):

первое отождествляется ею с «измерением антагонизма, который является неотъемлемой составляющей человеческих отношений, антагонизма, который может принимать множество обликов и проявляться в различных типах социальных отношений», в то время как второе представляет собой «множество практик, дискурсов и институтов, направленных на установление определенного порядка и организацию совместного существования людей в условиях, которые всегда чреваты возникновением конфликтов, поскольку на них воздействует измерение “политического”» [Муфф, 2004, с. 194]. Близким по смыслу является противопоставление «политики» (разногласия и оспаривания действующего порядка вещей) и «полиции» (упорядочивающего принципа, исключаящего «пустоту и добавления») у Ж. Рансьера [Рансьер, 2006, с. 209–210]. Как у Ш. Муфф политика в определенном смысле противостоит политическому, так и у Ж. Рансьера полиция «постоянно стремится уничтожить политику».

Такое противопоставление становится основой для критики существующих политических институтов, подавляющих и вытесняющих политическое. По сути, такой подход к трактовке политики находится в оппозиции по отношению к практикам современной представительной демократии и видит возможность политических изменений только «вне» и «против» формальной политической системы, в артикуляции конфликта, антагонизма. Отсюда – внимание к альтернативным (протестным) движениям, новым формам политической организации, новым «локусам» политического.

Особенно важно отметить то, что разведение «политического» и «политики» может «подчеркнуть временный характер политического: мимолетные моменты “политичности” и, по контрасту, рутинизированная, повседневная, вездесущая и бесконечная политика в рамках системы» [Beveridge, 2017, p. 594]. Таким образом, деполитизация есть постоянное устранение политического из политики, а политизация – «флуктуация» политического, периодическое возвращение антагонизма, дестабилизирующего существующий порядок.

Конкуренция альтернативных стратегических проектов как механизм (вос)производства политического поля

На основе приведенного выше анализа различных трактовок мы можем представить содержание процессов политизации и деполитизации с точки зрения институционализации / деинституционализации политического поля. Политизация представляет собой совокупность процессов, в результате которых возникают возможности актуализации социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания. Политизация осуществляется на разных уровнях. На уровне сообщества речь идет, прежде всего, об обретении отдельными акторами идентичности и позиционировании себя по отношению к другим акторам, а также по отношению к существующим / формирующимся политическим идеологиям. Другими словами, политизация трансформирует протополитическое сообщество в собственно политическое. На уровне формирования политического поля речь идет об институционализации пространства выбора и целеполагания, т.е. о выработке правил и выстраивании организационных структур, в рамках которых акторы могут осуществить политический выбор и публично решать наиболее важные вопросы социального бытия.

Деполитизация, наоборот, означает игнорирование противоречий и отрицание идеологий как манифестации этих противоречий, упразднение возможности выбора как на содержательном, так и на процедурном уровне, отрицание правил. Эти процессы приводят к тому, что политическое поле как публичное пространство, в котором в результате институционализации диалога и конфликта должно осуществляться принятие стратегических решений, перестает существовать. В конечном итоге деполитизация означает упразднение свободы, которая является условием реализации политической субъектности и осуществления политического выбора, таким образом, происходит разрушение политического и политики.

Обобщая, мы можем представить основные процессы, формирующие содержание политизации и деполитизации, увязывая их различные аспекты с теми аспектами политики, которые представляются нам наиболее значимыми и определяют, как уже было упомянуто выше, сущность политического поля.

Таблица

Содержание политизации и деполитизации

<i>Аспекты политического</i>	<i>Политизация</i>	<i>Деполитизация</i>
Конфликт, раскол «мы – они»	Формирование политических идентичностей и идеологий	Отрицание конфликтного характера социальных взаимодействий; деидеологизация
Выбор как наличие альтернатив и как процедура	<i>Формулирование альтернативных стратегических проектов и создание структур, обеспечивающих выбор между ними</i>	Отрицание наличия альтернатив; упразднение свободы как условия выбора
Целеполагание, содержание и смысл		Технократизация; уход от стратегических решений
Универсализм норм	Формирование и фиксация «правил игры»; обязывающий характер политических решений	Избирательное применение норм; деформализация правил; вытеснение универсальных норм (права) ситуативными договоренностями

Одно из центральных мест в процессе политизации мы отводим формулированию альтернативных стратегических проектов, полагая, что именно они являются «связующим звеном» между формированием политического сообщества и институционализацией политического поля. Стратегия играет важную роль в производстве социального порядка, она «задает основополагающие ориентиры и цели развития, полагает и утверждает определенный образ общества и власти, осуществляет на основе ценностной рациональности и прагматических критериев их обоснование и легитимацию. Подобный стратегический курс реализуется как “простраивание” общего социального пространства, задающего в дальнейшем порядок будущих социальных взаимодействий» [Козлов, 2015, с. 41].

Реализация стратегии, безусловно, связана с осуществлением властных полномочий и использованием властных ресурсов, она осуществляется в рамках выстраивающихся в политическом поле вертикальных структур. Однако стратегия не может быть определена в рамках вертикальной структуры, она не может быть задана «сверху»; определение стратегии – это всегда выбор из двух и более альтернатив, осуществляющийся в горизонтальном измерении. Поэтому мы и говорим о необходимости формулирования *альтер-*

нативных стратегических проектов. «Истинно политические вопросы всегда подразумевают решения, которые требуют выбора между конфликтующими альтернативами», – пишет, в частности, Ш. Муфф [Mouffe, 2005, p. 10]. Именно альтернативность, признание того, что каждая стратегия в принципе может быть оспорена, собственно, придает проектам политический характер, отличает их от административных проектов, которые, на наш взгляд, не могут служить основой для долговременного развития общества. Уже впоследствии стратегические проекты становятся основой для решения конкретных социальных, экономических и прочих проблем.

Стратегические проекты представляют собой наборы основополагающих принципов устройства общества, крупномасштабных целей, долговременных планов и способов их реализации и могут воплощаться в программных документах, выносимых на общественное обсуждение политическими партиями, общественными движениями и отдельными политическими деятелями. Формулирование таких проектов есть, по сути, актуализация политического: их *альтернативность* обеспечивает актуализацию конфликтов и выбора, а их *стратегический* характер – актуализацию целеполагания и содержательной стороны политики.

Возникающие еще на уровне протополитического сообщества альтернативные стратегические проекты являются отражением более глубоких нормативно-ценностных комплексов, в них воплощаются конкурирующие представления об «общем благе», на основе которых определяются направления развития общества в целом и его политической сферы. Если использовать терминологию С. Липсета и С. Роккана, то альтернативные стратегические проекты можно представить как артикуляцию социальных размежеваний. Функциональное измерение размежеваний, согласно С. Липсету и С. Роккану, представляет собой ось, полюсами которой являются противоречия, определяемые конкретными интересами (связанными, прежде всего, с распределением ресурсов), с одной стороны, и идеологические противоречия – с другой. В такой модели стратегические проекты будут, очевидно, располагаться ближе к полюсу, связанному с идеологическими противоречиями, там, где наиболее четко проявляется противопоставление «своих» и «чужих», и борьба идет по поводу «интерпретации истории и судьбы человека» [см.: Lipset, Rokkan, 1990, p. 95–96].

Таким образом, конкуренция альтернативных политических проектов является естественным продолжением структурирования протополитического сообщества по принципу «свой – чужой» и преобразования его в политическое сообщество. Политическое поле является пространством, в котором конфликты «своих» и «чужих» и выбор между альтернативами институционализированы; на нем происходит, в терминологии Ш. Муффа, «преобразование антагонизма в агонизм»: «создание каналов, посредством которых коллективные страсти получили бы возможность выражения по проблемам, которые, предоставляя достаточно возможностей для идентификации, конструировали бы противника не в качестве врага, а в качестве соперника» [Муффа, 2004, с. 195].

Однако, как уже было отмечено выше, политическое поле не является предзаданным. Альтернативные проекты не «выходят» на уже «готовое» политическое поле, скорее, их конкуренция и есть механизм его (вос)производства, поскольку стратегии должны включать в себя не только проекты политических решений на макроуровне, но и сами регулирующие принципы, правила взаимодействия, которые в конечном итоге и конституируют политическое поле. «Каждое поле, – как писал родоначальник концепции политического поля П. Бурдьё, – является местом более или менее декларированной борьбы за определение легитимных принципов деления поля» [Бурдьё, 1993, с. 77]. Следовательно, политическое поле также не может быть сконструировано «раз и навсегда». Политическое поле как динамичная конструкция отражает временный, флуктуирующий характер политического. Можно сказать, что возникновение и конкуренция альтернативных стратегических проектов обеспечивают «приток» политического в политическое поле и служат способом выхода на политическое поле акторов политического сообщества.

Представляется, что предложенная теоретическая модель, связывающая процесс политизации с конституированием политического поля, может стать основой для разработки инструментария, который позволит исследовать уровень и характер политизации / деполитизации, а следовательно, и дать оценку перспективам институционализации политического поля в современной России. Особенно важным с этой точки зрения оказывается обнаружение в российском политическом дискурсе альтернативных стратегий и дальнейший анализ их содержания и способов их репрезентации.

Список литературы

- Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 53–97.
- Козлов С.В.* Социально-политические стратегии и конституирование социального порядка: Проблема легитимации (социально-философский аспект) // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия».* – Тверь, 2015. – № 1. – С. 39–49.
- Липсет С., Роккан С.* Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания: (Перевод) // *Политическая наука / РАН. ИНИОН.* – М., 2004. – № 4. – С. 204–234.
- Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // *Логос.* – М., 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.
- Рансьер Ж.* Десять тезисов о политике // *Рансьер Ж.* На краю политического. – М.: Праксис, 2006. – С. 193–221.
- Beveridge R.* The (ontological) politics in depoliticisation debates: Three lenses on the decline of the political // *Political studies review.* – Oxford; Malden, Mass., 2017. – Vol. 15 (4). – P. 589–600.
- Brown W.* Undoing the demos: Neoliberalism's stealth revolution. – N.Y.: Zone books, 2015. – 296 p.
- Crouch C.* The march towards post-democracy, ten years on // *The political quarterly.* – Oxford, 2016. – Vol. 87, Issue 1. – P. 71–75. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.12210/full> (Дата посещения: 25.01.2018.)
- Dalton R.J.* Democratic challenges, democratic choices: The erosion of political support in advanced industrial democracies. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 230 p.
- Flinders M., Wood M.* When politics fails: Hyper-democracy and hyper-depoliticization // Policy & politics conference «Transforming policy and politics: The future of the state». – Bristol, 2013.–7/18 September. – Mode of access: https://mafiadoc.com/when-politics-fails-hyper-democracy-and-hyper-_5a1ede241723ddd0f422374a.html (Дата посещения: 03.02.2018.)
- Hay C.* Why we hate politics. – Cambridge: Polity press, 2007. – 200 p.
- Himmelstrand U.* A Theoretical and empirical approach to depoliticization and political involvement // *Acta Sociologica.* – Oslo; L., 1962. – Vol. 6, N 1/2: Approaches to the study of political participation. – P. 83–110.
- Landwehr C.* Depoliticization, repoliticization, and deliberative systems // *Anti-politics, depoliticization, and governance / Ed. by P. Fawcett, M. Flinders, C. Hay, M. Wood.* – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – P. 49–67.
- Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems, and voter alignments // *The West European party system / ed. by P. Mair.* – N.Y.: Oxford univ. press. – 1990. – P. 91–138.
- Mouffe Ch.* On the political. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – 144 p.
- Mouffe Ch.* The return of the political. – L.; N.Y.: Verso books, 1993. – 156 p.
- Petit P.* Depoliticizing democracy // *Ratio Juris.* – Oxford, 2004. – Vol. 17, N 1. – P. 52–65. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/a631/d0dba95b9b3a3841f858cef38f8827c768e1.pdf> (Дата посещения: 03.02.2018.)

Wood M. Depoliticisation: What is it and why does it matter? // Sheffield political economy research institute. – Sheffield, 2017. – Mode of access: <http://speri.dept.shef.ac.uk/2017/09/07/depoliticisation-what-is-it-and-why-does-it-matter/> (Дата посещения: 06.01.2018.)

Wood M. Politicisation, depoliticisation and anti-politics: Towards a multilevel research agenda // *Political studies review*. – Oxford; Malden, Mass., 2016. – Vol. 14 (4). – P. 521–533.

Wood M., Flinders M. Rethinking depoliticization: Beyond the governmental // *Tracing the political: Depoliticisation, governance and the state* / Ed. by M. Flinders, M. Wood. – Bristol: Policy press, 2015. – P. 21–45.